2021-02-04 **Юрий Белов: "Фашизация Германии — урок для мира"**

Так сложилось, что январь стал чёрным месяцем в истории Германии, особенно её левых сил и рабочего класса. В январе 1919 года были зверски убиты вожди Ноябрьской революции 1918 года Карл Либкнехт и Роза Люксембург, а в январе 1933-го Гитлер стал канцлером, и началась фашистская диктатура. Как и почему это произошло?

Не претендуя на всестороннее освещение столь сложного вопроса, выскажем свои некоторые размышления, рассматривая его сквозь призму настоящего.

«Ещё плодоносить способно чрево, которое вынашивало гада» (Б. Брехт)

Двое из одного времени

Как сказал поэт, времена не выбирают, в них живут и умирают. Но каждый, родившийся в то или иное время, выбирает свою судьбу в объективно сложившихся обстоятельствах.

Эрнст Тельман (родился 16 апреля 1886 года) и Адольф Гитлер (родился 20 апреля 1889 года) формировались как личности в одно и то же время. А время было трагичным: Первая мировая война и тяжкие для Германии послевоенные годы — разруха в экономике, голод, казнокрадство и финансовое мошенничество, всеобщее озлобление, массовая преступность и безработица. Что объединяло немцев, так это чувство унижения их национального достоинства кабальными условиями Версальского мирного договора, продиктованного победителями: США, Англией и Францией.

И Тельман, и Гитлер были солдатами Первой мировой войны. Воевали храбро. Оба дважды ранены и удостоены боевых наград. И Тельман, и Гитлер — из народных низов: первый — сын мелкого лавочника, второй — мелкого чиновника. Выбор каждым из них своей политической судьбы состоялся в первые послевоенные годы. Тельман в 1918 году сражался на баррикадах Ноябрьской революции и в 1920 году в составе левого крыла Социал-демократической партии Германии (СДПГ) вступил в Коммунистическую партию Германии (КПГ).

Гитлер в 1919 году вступает в основанную слесарем Дрекслером партию. По его инициативе она с 1920 года и до мая 1945-го именовалась как Национал-социалистическая рабочая партия (НСДАП). С 1921 года Гитлер возглавил её и превратил напоминавший при Дрекслере дискуссионный клуб не более чем в 100 человек, в мощную политическую силу, круто изменившую судьбу не только Германии, но и всего мира.

Таким образом, Эрнст Тельман, будучи патриотом своей страны, выбрал путь убеждённого коммуниста — пролетарского интернационалиста. Гитлер — путь фанатичного фашиста, человеконенавистнического, буржуазного по социальной природе своей, расиста. Случайности в том не было. Идеи, понятия, различного рода социальные учения (а все они имеют классовую основу) существуют до рождения каждого из нас. Познавая окружающую нас действительность не только в границах своей страны, но и всего мира, мы как бы оказываемся перед безграничной витриной этих идей, понятий и учений. Выбирая те или иные из них в качестве ведущих, ценностных для нас, мы тем самым определяем свою жизненную позицию, то есть своё отношение к миру, истории, своему народу и иным народам, ко всему человечеству, к

основным формам его существования (экономике, политике, науке, культуре).

Тельман и Гитлер были людьми весьма начитанными. Но читали и штудировали они разные книги.

Почему именно Гитлер стал фюрером Германии

Время подойти к главному вопросу заявленной темы — к основным причинам фашизации сознания немецкого народа. Конечно же, первой из них был «версальский диктат»: астрономическая сумма контрибуции, взимаемой с Германии, — 269 млрд золотых марок, что равно 100 тысячам тонн золота, и территориальные утраты — Эльзас, Лотарингия и др. Этот диктат довёл страну, и в первую очередь немецкий пролетариат, до массовой безработицы, нищеты и голода.

«Версальский диктат» воспринимался громадным большинством немцев, в том числе и рабочими Германии, как историческая несправедливость, что послужило почвой для националистических настроений. От них не были свободны и пролетарские массы. Можно утверждать: на национализме, доведённом до шовинизма, до нацизма, взросли культ Гитлера и вся мифология гитлеризма.

Национализм — испытанное средство маскировки эксплуататорских интересов крупного капитала, финансового прежде всего. Это веками проверенный метод создания в буржуазном обществе иллюзии единства нации перед внешними и внутренними её врагами. Внешние враги были очевидны. Что же касается внутренних, то они в фашистской пропаганде определялись по этническому (евреи, цыгане и славяне, русские в первую очередь) и идеологическому (коммунисты вкупе с социал-демократами) признакам.

Но нужна была ещё генеральная идея, пропаганда которой призвана не только объединить немецкую нацию, но и обеспечить её господство над миром.

И Гитлер не без помощи его высокообразованного окружения (Гесс, Лей, Розенберг,

Хаусхофер, др.) нашёл такую идею — создание третьего рейха за счёт завоевания территориального пространства для великой Германии. В первую очередь за счёт покорения России и её расчленения. Труды Ницше, Юнга, Шпенглера, Хаусхофера получили своё новое прочтение в книге Гитлера «Майн Кампф». В ней написано: «Германия должна увеличить свою территорию на Востоке — в основном за счёт России».

Идейные и политические наставники Гитлера были людьми реальной политики. Они достаточно ясно сознавали роль рабочего класса в политической жизни страны. Не понаслышке они знали о росте влияния коммунистов в пролетарской среде. Внимательно анализировали итоги выборов в рейхстаг 6 ноября 1932 года. А они были таковы: нацисты получили 196 мест в рейхстаге, но потеряли 34 места по сравнению с выборами 1 июля того же года, то есть утратили 2 млн голосов; социал-демократы провели 121 депутата (в июле их было 133); за коммунистов проголосовало на три четверти миллиона больше, чем на июльских выборах, и в результате они получили 100 мест (было 89).

Потеря партией Гитлера 2 миллионов голосов была весьма ощутимой, в то время как рост авторитета партии Тельмана в массах стал для всех очевидным. Позиции Гитлера ослабели, рассеялась как дым легенда о непобедимости нацистов. Крупному капиталу нужно было торопиться: коммунисты набирали силу среди рабочих и безработных. Обладавший редкой политической интуицией и волей в достижении поставленной цели, Адольф Гитлер спешил ускорить события в свою пользу.

Правые силы Германии — в первую очередь, крупные финансовые и промышленные магнаты, националисты всех мастей (не только нацисты), военные (практически весь генералитет и офицерство) и, не в последнем счёте, одурманенные националистическим угаром мелкие собственники — филистеры, пролетарии, в основном из безработных, и крестьяне — все они желали падения Веймарской республики, связывая её с национальным позором немцев — кабальным Версальским договором. Все они желали создания сильной авторитарной Германии, внутренняя политика которой заключалась бы в том, чтобы покончить с «демократической ерундой», а внешняя — в том, чтобы отменить условия Версальского договора, воссоздать великую армию и вернуть стране при помощи военной силы «её место под солнцем».

Эти же цели преследовал и Гитлер, но он был готов идти дальше — к завоеванию фашизированной Германией мирового господства, установлению во имя этого рабства XX века, о чём скажем позже. Но, в отличие от всех правых сил, он имел влияние на массы и пользовался их поддержкой, несмотря на ослабление своих позиций по итогам

выборов в рейхстаге в ноябре 1932 года.

...30 января 1933 года президент Гинденбург назначил Гитлера канцлером Германии. Путь к установлению в стране нацистской тирании был свободен. Можно сказать, что решающее большинство немцев поддержали фашистский диктат, не нарушая Веймарской Конституции. Никто тогда не мог представить полный политический портрет Гитлера, за исключением одного человека — Рудольфа Гесса. Не случайно именно Гитлера ознакомил он со своим эссе «Что должен представлять собой человек, которому суждено вернуть Германии её прошлое величие?». Эссе взволновало фюрера нацистской партии. Принцип фюрера был закреплён в её уставе в 1921 году. Особенно сильное впечатление произвёл на Гитлера политический портрет правителя Германии. Воспроизведём его.

«Когда от бывшего правительства не останется и следа, новую власть сможет установить лишь человек, вышедший из недр народа... Чем глубже корни диктатора в широких массах, тем лучше он понимает, как обходиться с ними в психологическом плане. Чем больше будут доверять ему рабочие, тем больше сторонников завоюет он среди этих наиболее энергичных слоёв населения (выделение наше. — Ю.Б.). Сам же он с массами ничего общего иметь не будет, поскольку, как любой великий деятель, он — прежде всего личность... В случае необходимости он не содрогнётся перед кровопролитием. Серьёзные вопросы всегда решаются кровью и железом... Для достижения своей цели он готов пожертвовать самыми близкими друзьями... Законодатель обязан обладать неумолимой решительностью и твёрдостью... Если понадобится, он должен топтать их... солдатскими сапогами».

Когда Гитлер читал эти строки, он ещё полностью не соответствовал представленному Гессом портрету великого политика. Но он страстно желал стать в полной мере похожим на этот портрет. И он стал соответствовать данному портрету, вплоть до каждой его детали. Он превзошёл его. Превзошёл по лицемерию и лжи. Они заполнили его внутренний мир, стали его сущностью. Гитлер, равно как и его подручные, лицемерил и лгал самому себе. Ложь и лицемерие были его правдой.

На память приходит сцена, описанная Л. Гинзбургом в его книге «Потусторонние встречи. Из мюнхенской тетради». (М., 1969.) Суть сцены в следующем: Гитлер и Гиммлер с немецкой педантичностью обсуждают рацион для заключённых в концлагере: достаточно ли будет одного яйца в день и удовлетворят ли заключённых ежедневно предназначенные им нормы мяса, молока, масла и т.д. Они лгали друг другу, самим себе без зазрения совести.

Именно такой фюрер (принцип фюрера был узаконен в 1934 году) необходим крупному капиталу Германии. В обстановке обострения экономического кризиса, когда всё более зримыми становились предпосылки социальной революции, германскому империализму нужна была смена парламентской формы буржуазной власти террористической её формой. Из всех реакционных идейных течений и политических движений, существовавших в рассматриваемое время, наиболее подходящим для германского империализма оказался фашизм. По расчётам империалистических стратегов, он мог решить двуединую задачу: удушить в зародыше пролетарскую революцию и установить мировое господство империализма Германии.

Время подтвердило верность характеристики фашистской диктатуры, что была дана на XIII пленуме Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ): «Открытая террористическая диктатура наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала». Финансовый капитал и сегодня правит бал во всех сферах жизни буржуазного общества. Реакционных империалистических элементов у него — хоть отбавляй.

Нацистский социализм и ультраимпериализм Каутского — Гильфердинга

Заметим, что к открытой террористической диктатуре гитлеровцы шли обходным путём, заигрывая с рабочим классом и мелкой буржуазией. Их пропаганда была в немалой степени изобретательной и спекулятивной. Для иллюстрации сказанного приведём два фрагмента выступления Гитлера перед рабочими, среди которых многие уже влачили нищенское существование, будучи безработными. Немало сочувствовало коммунистам. Шёл голодный 1929 год.

Гитлер начал свою речь интригующе: «Что такое интернационал? Кто должен быть интернационалистом? Конечно, немецкий рабочий. Он должен быть «братом» китайского кули, малайского пароходного кочегара, неграмотного русского сплавщика леса: все эти люди, видите ли, ближе ему, чем его немецкий работодатель. Дорогие друзья, не возражайте, вам действительно десятки лет рассказывали эти басни, и вы верили им. На самом же деле существует один-единственный интернационал, да и то только потому, что он построен именно на национальной основе, — это интернационал еврейских биржевиков, их диктатуры».

Обратим внимание на стиль речи. Он наступательный, полемический, с вызовом коммунистам: «Кто должен быть интернационалистом?» Примечательно, что оратор не называет ни одной профессии, требующей высокой квалификации (токарь, наладчик, машинист), да и география у него не случайно весьма далёкая от Германии (Китай, Малайя, Сибирь). Немецкого капиталиста называет работодателем-благодетелем. Кульминация данного фрагмента гитлеровского выступления заключена в его конце: в упоминании об интернационале еврейских биржевиков (запоминаются последние слова, к тому же ассоциируемые с биржей труда для безработных). В данном случае Гитлером используется любимый им приём под названием «дипломатия сильных слов». Начал с интернационала и завершил речь интернационалом, но сколь изощрённой была его ложь.

Речь фюрера нацистов, как правило, образна, метафорична: «Если бы шестьдесят миллионов обладали хотя бы только волей и национальным фанатизмом, оружие явилось бы из-под земли, из вашего сжатого кулака». Здесь мы видим прямое обращение к оскорблённому чувству национального достоинства немцев (никто из них не забыл Версаль). Речь Гитлера всегда была пафосно обвинительной. Как вспоминает известный социал-демократ К. Гейден, «указательный палец оратора, словно хищная птица, устремляется на слушателей, каждый из них чувствует себя ответственным за жизнь немецкой нации».

И в то же время он выглядел свойским парнем, человеком с улицы: «При желании умел приноровиться к каждому и вёл себя с ним так, что тот принимал его за своего». Фашистская пропаганда была далеко не всегда столь примитивной и грубой, какой она представлялась советскому человеку с киноэкрана и в печати. Она преимущественно велась опытными и сильными ораторами, владевшими искусством оболванивания масс, доверчивых, наивных, неискушённых в политике людей. На них действовал и нацистский примитив, которого тоже было с избытком.

Геббельс — фюрер гитлеровской пропаганды — хорошо знал своё дело: отравление патриотического чувства честного обывателя ядом национализма. Это он разработал основные принципы формирования фашистского сознания: простота выражений, побольше простых лозунгов типа «Германия — превыше всего», агрессивность тона (всегда только нападать), врагов называть сразу и повторы, повторы, повторы. Отдельно выделим героизацию насилия, доведённую до изуверской эстетизации. Всё это в полной мере выражалось в отношении к нашей стране. Как пример тому может служить маршевая песня — гимн «Гитлерюгенда». Её автор — фюрер немецкой молодёжи Бальфур фон Ширах.

Дрожат одряхлевшие

кости

Земли перед боем святым,

Сомненья и робость

отбросьте!

На приступ!

И мы победим!

Припев:

По прошлому прочь

ностальгию!

Мы вдребезги мир

разобьём!

Сегодня мы взяли Россию!

А завтра всю землю

возьмём!..

Нет жертвы,

что нас остановит,

И мы за ценой не стоим,

Россию мы выкупим

кровью,

И кто не за нас,

те — враги.

Так пусть обыватели

лают.

Нам слушать их бредни

смешно!

Пускай континенты

пылают,

А мы победим всё равно!

Но пропаганда насилия не была лобовой. Она велась с хорошим знанием психологических механизмов внушения. В частности, об этом свидетельствует секретное выступление Гитлера перед представителями немецкой прессы (ноябрь 1938 года). Вот извлечение из него: «Сила обстоятельств была причиной того, что я многие годы говорил только о мире, но затем появилась необходимость постепенно психологически перестроить немецкий народ и не спеша внушить ему, что существуют дела, которые, если их не разрешить мирными средствами, надо разрешить с помощью силы. Но для этого было необязательно пропагандировать насилие как таковое. Потребовалось освещать для немецкого народа определённые внешнеполитические события таким образом, чтобы его внутренний голос постепенно сам стал взывать к насилию».

Немецкие рабочие долгое время не могли разглядеть своих врагов в нацистах. В их сердцах находили отклик патриотические и демагогические речи пропагандистов НСДАП. Ожесточённые от отчаяния — от безработицы и нищеты, — они готовы были искать врагов в «жирных котах», как называли нацистские ораторы владельцев универсальных универмагов, витрины которых рекламировали изобилие продуктов питания, недоступных для живущих впроголодь немцев.

К тому же программа гитлеровской партии многими своими демагогическими положениями отвечала настроениям немецких пролетариев. Например, они всей душой принимали такие требования программы нацистов, как отмена нетрудовых доходов, делёж прибыли крупных промышленных предприятий с государством, ликвидация земельной ренты и спекуляции землёй, введение в закон смертной казни изменникам, ростовщикам и спекулянтам, передача универмагов в общественную собственность и в аренду мелким торговцам по низкой цене. Также многим в рабочей среде весьма импонировало соединение в партии Гитлера национализма и социализма. Если национализм, принимаемый большинством за патриотизм, был популярен благодаря Версалю, то социализм — благодаря небывалому кризису и примеру пролетарского Октября в России.

Лишь рабочие с развитым классовым сознанием понимали, что в гитлеровском социализме не было, по выражению Сталина, и атома социализма. То же самое можно сказать и о национализме — не было и не могло быть в нём и грана патриотизма. Но развитым пролетарским сознанием обладало явное меньшинство рабочих Германии, большинство их, увы, находилось во власти мелкобуржуазного сознания. Именно оно, это большинство, с наивным доверием, по невежеству, приняло гитлеровский лозунг «Социализм без гражданской войны». Для чего, по фюреру нацистов, необходимо единство нации и никакой классовой борьбы. И данному обману верили, верили фанатично...

Игра на термине «социализм», на его притягательной силе для рабочих, выдвижение — наряду с этим термином — примата их национальной принадлежности, то есть социализм для избранной расы господ — нации немцев, — вот что в конце концов позволило Гитлеру одурачить народ Гёте, Вагнера, Гегеля, Гейне, Бетховена и Баха. Как говорил писатель Юлиан Семёнов, Гитлеру удалось разыграть низменную карту — возложить вину за то, что в стране нет хлеба и маргарина, на евреев и коммунистов. И ведь ему поверили. Нет, не все, но большинство, одурманенное национализмом.

Писатель высказал и другую мысль, весьма актуальную сегодня: «Доктрина национал-социализма рассчитана на лентяев. На людей слабых и малообразованных, склонных находить простые ответы на сложные вопросы социальной жизни. Таких оказалось, увы, большинство. Именно оно с восторгом откликнулось на первомайскую речь Гитлера, когда он ещё только крался к власти. Он вещал на митингах в 60, в 100 тысяч человек: «Германский народ должен вновь себя познать. Миллионы людей, расколотые на разные профессии и искусственные классы (выделение наше. — Ю.Б.), обуреваемые сословными предрассудками и классовым бе-зумием и разучившиеся понимать друг друга, должны вновь найти путь к взаимному пониманию».

Рабочий класс Германии жестоко поплатился за своё невежество: он не только возвёл человека с пещерной философией на пьедестал высшей власти, но и в большинстве своём (да, опять в большинстве) принял её и следовал ей. Для пролетариев, ставших солдатами третьего (фашистского) рейха в полном соответствии с «народной философией» Гитлера, германцы являлись «высшей человеческой расой на земле». Это было кредо гитлеровского социализма — социализма только для немцев. Расовый социализм, в котором (ещё раз повторим слова Сталина) нет и атома социализма.

Социализм без гражданской войны, то есть без классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией, не был открытием Гитлера. Начало распространению данного тезиса в германском обществе положили идеологи немецкой социал-демократии в конце XIX — начале XX века: Бернштейн, Каутский, Гильфердинг. Они и проложили дорогу германскому фашизму через так называемый гуманный социализм, парламентский социализм с «чистой» демократией.

Каутский и Гильфердинг в противовес ленинской теории империализма разработали и пропагандировали свою теорию ультраимпериализма, согласно которой исчезает неравномерность капиталистического развития в разных странах. Исчезает и конкуренция не на жизнь, а на смерть между монополиями. Все они сливаются в гигантскую сверхмонополию, следствием чего явится ликвидация противоречия между трудом и капиталом. Классовая борьба прекращается — формируется общество без классов. Наступает эра «чистой» демократии со стерильной парламентской борьбой.

Ещё К. Маркс и Ф. Энгельс предупреждали немецких социал-демократов об опасности парламентского кретинизма, но всё оказалось тщетным. Именно упомянутый кретинизм довёл Германию до фашизма. Можно сказать, путём буржуазной демократии Гитлер пришёл к власти. Империалистический капитал сделал ставку на его партию, дабы остановить назревавшую пролетарскую революцию.

Что до социалистов и социал-демократов, то они в 60—70-е годы XX века перевели свои партии на рельсы либерализма в угоду финансовому капиталу. Возможен ли рецидив фашизма в нынешнем империалистическом мире? Думается, что это вопрос риторический.

В результате отказа руководства Социал-демократической партии Германии осудить социал-шовинизм II Интернационала он, этот социал-шовинизм, появился в новом обличье — национал-социализма гитлеровской партии. Именно это послужило причиной попустительству фашизму со стороны «вождей» СДПГ.

Пролетарский вождь Эрнст Тельман

Гитлеру и его идеологам оставалось пустить в ход испытанную технологию социальной демагогии — обещать каждому своё и быть, о чём ещё скажем, для каждого своим. Удалось пропагандой «бескровного» социализма обмануть многих, и прежде всего многих из рабочей среды.

Поразительно точное объяснение этому дал Эрнст Тельман. Он одним из первых, если не первый, ещё в январе 1924 года писал: «У Германии появился смертельный враг; имя его национал-социализм. Он одет в рабочую робу и говорит корявым языком улиц. Он прост, сердечен, в меру сентиментален, в меру суров. Он романтичен и прагматичен. Он истинный немец... Только что перед всем миром была разыграна трагедия русской гражданской войны, но господин Гитлер обещает бескровный социализм, — немецкий бескровный социализм, — а такой штуки у нас ещё не пробовали. Скажу вам так, товарищи: если такой социализм возможен, то лишь в будущем. А пока я скажу вам — что произойдёт: социализм господина Гитлера не будет бескровным, и немецкая кровь прольётся на фронтах новой мировой войны».

Пророческое предупреждение. На это способен человек, видящий лицемерие, прикрываемое высокими словами, и знающий цену обмана доверчивых и простодушных. Иными словами, обладающий умением разглядеть коварство и вероломство торгующих популярными идеями социализма и защиты отечества и превращающих их в разменную монету. Что послужило основой для выработки у Эрнста Тельмана такой способности и такого умения?

Думается, что это прежде всего природный дар наблюдательности и многолетняя жизнь среди немецких пролетариев не в роли стороннего наблюдателя, а будучи сам пролетарием. Он в 16 лет вступил в СДПГ (Компартии Германии ещё не было) и насмотрелся на её пропагандистов, нёсших в массы идею классового мира. Эрнст, работая портовым грузчиком, помощником кочегара, транспортным рабочим, а в годы безработицы — носильщиком и подёнщиком, пропитался протестным настроением

живущих продажей своей рабочей силы. Это коренным образом отличало его от Адольфа Гитлера, который в молодости согласен был вести полуголодную жизнь свободного художника (будучи не принят в соответствующие учебные заведения изобразительного искусства), лишь бы не заниматься физическим трудом. Его он считал унизительным для своей исключительной личности.

Дар наблюдательности сочетался у Тельмана с даром человека революционного действия, организатора массовых акций. В юношеские годы он стал уже одним из организаторов молодёжного профсоюзного движения в Германии, в 26 лет возглавил Общегерманский профсоюз транспортных рабочих. В 1918-м, когда ему шёл 33-й год, он с присущей ему революционной энергией принял участие в Ноябрьской революции и уже в который раз (!) убедился в предательской роли вождей германской социал-демократии.

Через три года после вступления в ряды молодой Коммунистической партии Германии, в 1923 году, Эрнст Тельман руководит Гамбургским восстанием. И в том же году Адольф Гитлер устраивает пивной путч в Мюнхене.

Один — Э. Тельман — борется за власть человека труда, другой — А. Гитлер — за власть человека по имени Гитлер. Между ними пропасть: первый связывает свою судьбу с Трудом, второй — с Капиталом.

Как сказали бы сейчас, Эрнст Тельман стал культовой фигурой среди рабочих и коммунистов Германии. Естественным было его избрание заместителем Председателя ЦК КПГ в 1924 году. В том же году он был избран депутатом рейхстага и был им до 1933 года.

С юности усиленно, можно сказать, со страстью Эрнст Тельман занимался самообразованием: штудировал труды классиков марксизма-ленинизма и проходил суровую школу приложения полученных знаний к быстро менявшейся действительности. Эту школу с полным правом назовём школой живой диалектики. Тельман на III конгрессе Коминтерна (1921 года) слышал Ленина. В 1924-м он был избран членом Президиума ИККИ и до ареста в 1933 году был на всех пленумах и конгрессах Коминтерна. Часто в рабочем порядке общался со Сталиным.

Эрнст Тельман являет собой первого крупного пролетарского вождя новой формации — из рабочих-интеллигентов.

Таких, как Тельман, с появлением в послевоенное время на Западе «золотого миллиарда» становится всё меньше и меньше. Транснациональные корпорации за счёт нещадной эксплуатации народов и ресурсов Африки, Азии, Латинской Америки, а с 1991 года — России и всех бывших союзных республик получили возможность обеспечить для трудящихся масс стран «золотого миллиарда» значительно более льготные условия социальной жизни, чем у их собратьев в «третьем мире».

Это стало основой и для еврокоммунизма, чьи метастазы до сих пор сохранились в сознании людей труда ведущих стран капитала. Речь идёт не о рабочих, получающих хорошую зарплату, а о рабочих, получающих очень хорошую зарплату, образующих слой рабочей аристократии, разделяющих оппортунистическую идеологию, предавших свой класс и считающих себя «средним классом».

Но положение начало неуклонно меняться с развалом СССР и прекращением действия примера реального социализма. Начала сворачиваться социально ориентированная политика под напором массовой миграции. Кризис буржуазного общества обостряется. Настроения наёмных трудящихся радикализируются. Пролетарии типа Тельмана в ближайшем будущем перестанут быть редкостью.

Но нельзя забывать и того, что капитал держит на цепи их антиподов — нелюдей типа Гитлера.

Сталин:

«Нужно решительно поддержать Тельмана»

Надеемся, что даже краткое изложение политической биографии Эрнста Тельмана говорит о рабочем классе Германии как о классе, достойном уважения, коль он был способен выдвинуть из своей среды такого политического вождя, как Тельман. Он

навсегда останется в нашей памяти и памяти наших потомков с крепко сбитой фигурой гамбургского докера, с согнутой в локте правой рукой и крепко сжатым кулаком — «Рот фронт!»

Его знали и любили не только в широкой рабочей среде, но и в среде антифашистской интеллигенции — такие виднейшие её представители, как Бертольд Брехт, Иоганес Роберт Бехер, Анна Зегерс, Эрнст Буш, Лион Фейхтвангер...

Тельман был именно пролетарским вождём, на дух не переносившим ни соглашательства с буржуазной властью под видом вынужденных, так сказать, компромиссов с ней, ни псевдореволюционности левачества. На непримиримой борьбе с последним стоит остановиться особо, так как от её исхода зависела судьба Компартии Германии.

Тельману очень нелегко было вести эту борьбу: его противников — Маслова и Рут Фишер, захвативших руководство в КПГ, поддерживали ряд видных представителей ИККИ, и в их числе некоторое время и Сталин. В уникальной книге-исследовании «Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы» (М., 2004) представлена драма противостояния Тельмана с его идейными противниками.

Читаем:

«Документ №137

Из протокола №61 заседания Политбюро ЦК РКП(б) 10 января 1924 г.

Слушали: 13. О деле Маслова

Постановили: а) Принять к сведению единогласное постановление комиссии Коминтерна и ЦК РКП, оправдавшей т. Маслова по обвинению в политической неблагонадёжности.

б) Согласиться с мнением большинства комиссии Коминтерна и ЦК РКП(б) по вопросу о возвращении т. Маслова на работу в Германию.

Примечание

Вопрос об обвинении А. Маслова (И. Череминского) в политической неблагонадёжности... призвана была решить специальная комиссия Политбюро ЦК РКП(б), возглавляемая Сталиным... Сталин считал германских леваков людьми, которые могут лучше работать в руководстве КПГ, чем Брандлер и Тальгеймер, которые повинны-де в серьёзных правооппортунистических ошибках (в последнем Сталин был прав. — Ю.Б.)... Сталин считал, что Маслов может быть руководителем... КПГ...»

Каково это всё было пережить Тельману, не сдавая своих позиций: А. Маслов и Р. Фишер опасны для КПГ.

Из документа №143 явствует, что руководство РКП(б) и Коминтерна «фактически поддержало ультралевых в КПГ, считавших, что главной причиной поражения выступления в Германии была политика «правооппортунистических вождей». ИККИ и Политбюро ЦК ВКП(б) приняли меры для замены руководства ЦК КПГ. Во главе партии германских коммунистов оказались Р. Фишер — А. Маслов и др., которые оценивались руководством ИККИ и Политбюро РКП(б) как «глубоко преданные рабочим» и способные повести партию вперёд. Руководители ИККИ согласились с оптимистической оценкой положения в Германии Иосипом (псевдоним Г. Брандлера) — якобы оно стабилизируется (выделение наше. — Ю.Б.), тогда как с иронией отнеслись к оценке соотношения сил Тельмана и Гуко.

Последние, смеем полагать, вели речь об обострении кризиса — экономического и политического, об усилении позиций нацистов в массах, об опасности для КПГ и страны политики ультралевых: нацисты только и ждут неподготовленных, преждевременных выступлений коммунистов, чтобы использовать их для установления фашистской диктатуры по заказу крупного капитала.

Подумать только, в это время ультралевое руководство ЦК КПГ во главе с Масловым и Фишер поддерживало лозунг выхода революционно настроенных рабочих из профсоюзов, что вело к углублению раскола в партии и рабочем классе, к изоляции компартии от масс — массового профсоюзного движения (?!). Позиции КПГ стали резко ослабевать в рабочем движении Германии.

Отрезвление советского партийного руководства наступило в начале 1925 года. В феврале «Правда» опубликовала беседу Сталина с Я. Герцогом под заголовком «О перспективах КПГ и о большевизации». В ней говорилось об условиях большевизации КПГ, главным в ряду которых стояла задача отвоёвывания у социал-демократов большинства рабочего класса на основе повседневной борьбы рабочего класса за его ближайшие требования. Как видно, линия Тельмана пробила себе дорогу. История выдвигает его на роль лидера германских коммунистов.

Читаем далее документы Политбюро ВКП(б) и Коминтерна.

«Документ №193

Шифрограмма И.В. Сталина в ЦК РКП(б)... Сочи 23 июля 1925 г.

...Если действительно существует рабочая группа Тельмана, надо взяться за неё вплотную и держать курс на неё... Так как Рут Фишер портит и разлагает германскую компартию, то ИККИ не имеет права щадить её, он должен поставить себе задачей полное её разоблачение.

Документ №194

Письмо И.В. Сталина Н.И. Бухарину о необходимости замены руководства КПГ. Сочи 25 июля 1925 г.

...Нужно решительно поддержать Тельмана в его борьбе против Рут и обеспечить ему победу».

...Вернёмся к тому, что говорил Тельман о Гитлере и гитлеризме в 1924 году: «Социализм господина Гитлера не будет бескровным, и немецкая кровь прольётся на фронтах новой мировой войны». От этой мысли вождь германских коммунистов не отступал все последующие годы. В мае 1932 года он выступил с большим докладом на заседании Президиума ИККИ. В нём он сформулировал в качестве главной задачу «завоевания большинства рабочего класса на сторону КПГ» путём развёртывания активной работы в массах, и в первую очередь через профсоюзы.

Данный урок Тельмана — интернациональный урок для всех компартий, включая, конечно же, и КПРФ. Он извлечён из ленинского положения, изложенного в «Детской болезни «левизны» в коммунизме». Напомню его: «Нет сомнения, господа «вожди» оппортунизма прибегнут ко всяческим проделкам буржуазной дипломатии, к помощи буржуазных правительств, попов, полиции, суда, чтобы не допустить коммунистов в профсоюзы, всячески вытеснить их оттуда, сделать им работу внутри профсоюзов возможно более неприятной, оскорблять, преследовать их. Надо уметь противостоять всему этому, пойти на все и всяческие жертвы, хитрости, нелегальные приёмы, умолчания, скрытие правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу» (выделение наше. — Ю.Б.).

3 марта 1933 года, за два дня до выборов в рейхстаг, Тельман был арестован. Но успел, как и вся КПГ, совершить подвиг. Выборы 5 марта состоялись, когда Гитлер уже стал канцлером Германии... Нацистам было всё дозволено: разгромлена штаб-квартира ЦК КПГ, закрыты все её издания, арестовано более четырёх тысяч коммунистов-активистов, арестован лидер партии, избиты многие её агитаторы и пропагандисты.

Коммунистам запрещено проводить собрания. Избиратели оказались под давлением страха насилия над ними — 400 тысяч штурмовиков НСДАП бесчинствовали по всей стране. И в этих-то условиях начавшегося тотального террора КПГ провела в рейхстаг 81 депутата (в ноябре 1932 года их было 100). Это ли не подвиг!.. Он был вызовом торжествовавшему нацизму.

Гитлер 11 лет не решался вынести смертный приговор Тельману. Десять лет он находился в тюрьме, но дважды в неделю по 8 часов ему было разрешено встречаться с

женой наедине. Она не подвергалась досмотру. Очевидно, Гитлер рассчитывал на то, что столь льготное тюремное заключение духовно надломит Тельмана: о том, как жестоко обходились с его единомышленниками, он не мог не знать. Думается, что расчёт был и на его дискредитацию в глазах рабочих и сподвижников. Но не случилось ни того, ни другого.

В 1944 году Тельман побывал в разных тюрьмах. В августе 1944 года по личному указанию Гитлера он был доставлен в Бухенвальд и 18 августа убит.

Фашизация Германии — урок для мира

Поединок Эрнста Тельмана и Адольфа Гитлера не окончен. Он продолжается и после их смерти. Фашизация германского общества, а стало быть, и его большинства — рабочего класса не узконациональна, то есть не является уделом только Германии. Её рецидив может случиться в любой стране империалистического мира. И в первую очередь — в той, где олигархический финансовый капитал стоит перед неизбежностью сохранить свою диктатуру путём массового политического террора, чтобы остановить смертельную для него угрозу социальных потрясений, вплоть до революционных. Убедительным примером тому может служить государственный переворот, осуществлённый генералом Пиночетом в 1979 году в Чили.

Итак, нацификация, или фашизация, сознания рабочих неотделима от её внедрения во все формы общественного сознания: в политику, экономику, мораль, культуру (литературу и искусство) и, наконец, в быт и нравы. В Германии 30-х годов минувшего века это внедрение происходило, в ряду прочего (давление страхом перед безработицей и террором), и в мягкой форме социальной иллюзии, что социализм по воле фюрера пришёл на немецкую землю.

Небольшой экскурс в историю. Нацистское правительство Гитлера, чтобы усыпить бдительность рабочих, перед тем как нанести удар по рабочему движению, объявило 1 мая 1933 года национальным праздником — днём национального труда (читайте: национального единения). Выступая 1 мая перед 100 тысячами рабочих, собравшихся на демонстрацию, Гитлер бросил лозунг: «Почитайте труд и уважайте рабочих!» Тогда же он обещал, что день 1 мая будет на протяжении веков.

...На следующий день, 2 мая, центры профсоюзов были закрыты, их фонды конфискованы, сами профсоюзы запрещены, а руководители арестованы. И это при том, что они заявили о своём согласии добровольно сотрудничать с нацистским режимом. Вместо профсоюзов Гитлер учредил «Немецкий трудовой фронт» во главе с его фюрером — доктором Робертом Леем. К тому же Гитлер издал декрет, по которому соблюдение «трудового мира» возлагалось на «доверенных уполномоченных по труду», которых назначал сам фюрер.

По существу, декрет объявлял забастовки незаконными, поскольку решениям доверенных лиц придавалась сила закона. Лей в свою очередь обещал «вернуть абсолютное господство на предприятии его естественному руководителю, то есть работодателю», — капиталисту. Всем стало ясно, кто «хозяин дома».

Началось давление всей грубой силой фашистского государства. И через два года, в 1935 году, Лей на весь мир объявил, что в Германии уже де-факто отсутствует классовая борьба, и начал усиленно строить «немецкий социализм» при набиравшей обороты военной машине. А позже, когда почти вся Европа лежала у ног третьего рейха, гитлеровское государство давало существенные добавки к семейному бюджету только верным фюреру немецким пролетариям. Лей добивался повышения их зарплаты. Его усилиями возводились кварталы новостроек в рабочих районах, рабочих стали посылать в отпуск за границу, обеспечивать им бесплатные образование и медицину.

О том, что всё это достигалось нещадной эксплуатацией собратьев по классу в покорённых странах да рабским трудом заключённых концлагерей — об этом большинство немцев не желали думать. Вот, скажем, как в далёких от нас 60-х годах минувшего века бывшая работница одного из заводов гигантского концерна вспоминала о 30-х годах в Германии: «Мы жили тогда, как в раю. Отец получил новенький «Фольксваген». Мы переехали в большую квартиру, где у нас с сестрой была своя комната с балконом, на котором сестра развела настоящий цветник из карликовых роз... Мама каждый вечер перед сном крестилась на портрет фюрера, висевший у нас над радиоприёмником. А просыпаясь по утрам, мы улыбались нашему рабочему вождю, фотографию которого принёс с завода отец. Как мы его любили!»

А вот как рабочий вождь Роберт Лей в пылу откровения писал Альбрехту Хаусхоферу (апрель 1935 г.): «Я занимаюсь скучной работой — внушаю недоумкам, что они соль земли, раса господ, будущие властелины мира! Наши такие же тупицы, как остальные. Главное было дать им работу... Наш рабочий, пока он работает, внушаем и управляем, как прыщеватый подросток. Он наденет военную форму, даже не заметив, будучи

уверен, что его переставили на другое место на конвейере общенационального труда». (Цит. по: Елена Сьянова. «Гитлер-директория», М. 2014).

Начиная с главного фюрера — Адольфа Гитлера, вся фашистская верхушка с пренебрежением относилась к трудящейся массе. Но без завоевания её на свою сторону, без обработки её сознания в нацистском духе вся изуверская доктрина утверждения мирового господства имперской Германии пошла бы прахом, что, безусловно, понимали все бонзы третьего рейха. Иллюзия превосходства «социализма по-немецки» над советским социализмом, по расчётам идеологов нацизма, обеспечивала идейное и духовное превосходство немца-рабочего над советским «рабочим-унтерменшем».

Манипулирование общественным сознанием находилось в гитлеровской Германии на уровне ничуть не ниже, чем, скажем, на современном Западе да и в России. Технология этого сегодняшнего манипулирования заимствована у Гесса, Геббельса, Лея и, не в последнюю очередь, у Гитлера.

Надо признать, что последний преуспел в освобождении сознания большинства трудящихся немцев (читайте: пролетариев) от «химеры, именуемой совестью» и уж тем более — от пролетарского интернационализма. Для этого нужно было «взбесить в человеке собственника». Бюргерская, мелкобуржуазная психология, не без стараний немецкой социал-демократии, призывавшей к социальному миру, проникла и в пролетарскую массу.

...Дымились печи концлагерей. В них были налажены умерщвление людей и высокотехнологичная переработка трупов: кости перемалывали в муку, что использовалась в качестве удобрений в фермерских хозяйствах; кожа шла на изготовление галантерейных изделий, волосы — на парики и т.д. Люди, взрослые и дети, уподоблялись подопытным животным в научных лабораториях.

Знали ли об этом немцы? Знали, не могли не знать. Но это лично их не касалось. Они, как им казалось, жили тогда, в 1930-е годы, как в раю. Речь идёт, конечно же, о доказавших свою верность фюреру.

Антифашистская борьбав гитлеровском рейхе

Не первый раз говорится о большинстве верноподданных нацистского государства. Пора сказать и о меньшинстве. Оно не было единым по социальному составу. Да и большинство в нём составляли пролетарии из скрывавших свои взгляды коммунистов и социал-демократов. Многие из последних осознали, что тактика и стратегия руководства социал-демократической партии обеспечила приход Гитлера к власти. Пытаясь выторговать себе место в нацистской системе, это трусливое руководство готово было легализовать фашистскую диктатуру.

«Форвертс» — главная газета СДПГ — 31 января 1933 года приветствовала приход к власти правительства Гитлера как конституционного правительства. Социал-демократическая фракция на первом заседании нового фашистского рейхстага после декларации Гитлера полностью присоединилась к его внешнеполитической программе. Ряд видных аппаратных работников СДПГ выступил с осуждением своих товарищей по партии, эмигрировавших за границу, за то, что те подвергали жёсткой критике гитлеровский режим и называли его фашистским.

Прозрение пришло к рядовым социал-демократам. Многие из них осознавали необходимость единства действий с коммунистами, необходимость организации антифашистского фронта. Но создать его в условиях террористической диктатуры было невозможно.

Недовольство посетило и крестьян-бедняков, лишившихся кормильцев: война пожирала людей. Обманутыми Гитлером оказались и мелкие буржуа, бывшие его главной опорой, когда он крался к власти. Они ждали обещанного передела в их пользу собственности помещиков и владельцев крупных универмагов. Первые месяцы после прихода фюрера к власти кое-что им перепало в сфере торговли, но не более того. Монополистический капитал всех подмял под себя. Всем стало ясно, кто в доме хозяин. К концу войны началось массовое разорение мелких собственников, обнищание пролетариев.

Недовольство гитлеровским режимом дошло и до исконно твёрдой опоры власти в Германии — высшего офицерства и генералитета. Достаточно обратиться к истории антигитлеровского заговора, чтобы убедиться в этом. 20 июля 1944 года взрывное устройство, предназначенное для убийства Гитлера, сработало, но цель не была достигнута: Гитлер остался жив. Последовали аресты и скорый суд. Были приговорены к

смертной казни через повешение: возглавлявший заговор полковник штаба армии резерва фон Штауфенберг, генералы Бек и Остер, фельдмаршал фон Вицлебен и ряд высших офицеров. Немало было сочувствовавших им в офицерской среде да и среди генералов.

Выделим главное: организатором антифашистской борьбы явилась Компартия Германии. Коммунисты, работая в подполье, всегда знали, что они, как говорится, ходят по лезвию ножа, находясь между жизнью и смертью. Осуществлять подпольную деятельность в какой-либо политической или общественной организации было практически невозможно: в рейхе были запрещены профсоюзы и все политические партии, кроме НСДАП. Практика всеобщего доносительства и слежки, система фюрерства, от малых местных фюреров до фюрера германской нации — Гитлера, делала каждого немца потенциальным осведомителем, агентом гестапо. Коммунисты имели единственную возможность для осуществления своей тайной работы: внедриться в национальный Трудовой фронт Роберта Лея. И они делали это, рискуя жизнью.

Примером незримого каждодневного героизма, который его носителями воспринимался как будничная работа, безусловно, может служить десятилетняя история (1933—1943 годы) «Красной капеллы». Она была глубоко законспирирована, объединяла около 100 человек, добывавших сверхценную информацию для Москвы. Возглавляли её истинные интеллигенты Германии: Шульце Бойзен — работник министерства авиации, Арвид Харнак — юрист, Хернштадт — журналист (единственный, оставшийся в живых).

Антифашистская борьба Компартии Германии и честных немцев, в том числе и освободившихся от нацистского дурмана, — отдельная тема, давно ждущая своего раскрытия в нашей партийной печати.

Что предвидел Крупп

Существует миф о сверхгосударстве фашистской Германии, перед которым склоняли колени даже сильные мира сего: главы крупнейших немецких трестов и концернов. В действительности всё было иначе: крупный капитал Германии всегда указывал её правителям их место — исполнителя его, капитала, воли. В этом отношении гитлеровская клика не была исключением.

В 1933 году в отеле «Кайзерхоф» собрались главные промышленники и финансовые воротилы, чтобы выслушать Гитлера — новоиспечённого канцлера Германии. Он подобострастно излагал им свою программу — программу нового, третьего рейха с агрессивной внешней политикой, обещая резко увеличить военные заказы. За всех собравшихся хозяев Германии отвечал фюреру один человек. Ровным деловым голосом Крупп фон Болен унд Гольбах Густав сказал тогда: «От имени руководителей германской промышленности я выражаю вам благодарность, господин канцлер, за ясное изложение вашей позиции относительно будущего нашей страны. Мы полностью её разделяем. От себя добавлю... мы всегда нуждались и нуждаемся в хорошей политике для хорошей работы нашего капитала. Я говорю «да».

В начале лета 1944 года в том же отеле «Кайзерхоф» Гитлер собрал совещание с теми же лицами, что и в 1933 году. Вопрос для обсуждения был предложен неожиданный для собравшихся: отдать всю оборонную промышленность, без промедления, германскому «социалистическому» государству с гарантией того, что после победы всё будет возвращено. Иначе говоря, крупнейшим владельцам монополий предлагалось ввести на время, до победы рейха, «мобилизационный социализм» (читайте: сверхмобилизационный капитализм). Гитлеровская клика лицемерила даже по отношению к тем, кто отлично знал цену нацистскому «социализму».

Предложение фюрера вызвало шок у участников совещания. В мёртвой тишине высокий ровный голос, обращаясь к Гитлеру, сказал то, от чего у Шпеера (министр вооружений), по его признанию, заледенело сердце: «Система, созданная за одиннадцать лет вашего руководства, оказалась лишь иллюзией порядка. Я ошибся, поставив на неё. За ошибки нужно платить. Я готов заплатить своей жизнью. Но не капиталом. Капитал Круппа нужен, чтобы создать другую систему, которая возродит Германию из пепла войны. И потому, мой фюрер, я говорю «нет».

Так сказал Крупп фон Болен унд Гольбах Густав.

Думается, что задолго до того, как Гитлер в отеле «Кайзерхоф» собрал ведущих промышленников Германии, Крупп, как и его собратья по классу, сознавал неизбежность крушения третьего рейха. Полагаем, что сознавал он и незыблемость империализма в США и Англии после победы антигитлеровской коалиции. А значит, и угроза третьей мировой войны будет нависать над человечеством как дамоклов меч. Придёт время, и в повестку дня сильные мира сего внесут вопрос о реставрации нацизма в новой редакции — западнизма или глобализма

по-американски. Этот глобализм прячет свою истинную личину — либерального фашизма — под покровом абсолютной свободы личности и тех прав человека, которые так легко найти в программе Национал-социалистической рабочей партии Германии.

Наши оппоненты из патентованных патриотов могут сказать нам: «Всё это может случиться на Западе, но никак и никогда в России. У нас традиции соборности, коллективизма, дружбы народов. Да и Русская православная церковь не попустит такого».

Но если стоящая во главе российского капиталистического империализма финансовая олигархия будет, как и ныне, распоряжаться страной как товаром (куда делась экономическая мощь страны? куда делось полтайги?), а трудящийся класс России — рабочий класс не проявит способности объединить и повести за собой все колеблющиеся пролетарские и полупролетарские элементы (в чём состоит историческая миссия КПРФ как авангарда класса рабочих), то, что невозможно сегодня, станет возможным завтра.

Говорим так потому, что не оставляют в покое нас такие вопросы:

— не является ли элементом либерального фашизма дорогостоящий, откровенно русофобский и антисоветский Ельцин-центр в Екатеринбурге?

— не является ли таким же элементом вещающее на всю Россию «Эхо Москвы»?

— образование по-болонски и ЕГЭ, не ведёт ли оно к отсутствию самостоятельности мышления у молодых людей и не превращает ли оно их в безвольный объект манипулирования их сознанием и чувствами?

— и почему всё это, давно и хорошо известное высшей власти от людей весьма просвещённых и компетентных, остаётся неизменным?

Сколько можно говорить с высоких трибун о бедности трети населения страны и молчать о баснословных прибылях олигархов. Прибыли эти оседают на Западе... Вопросы можно множить, но всё как в басне Крылова: «А Васька слушает да ест». По Салтыкову-Щедрину: «слушает да жрёт».

Тревожная судьба России

Капиталу всё труднее и труднее маскировать свою хищническую сущность. После выхода в свет «Капитала» К. Маркса учёному миру представлено было множество «теорий» и «концепций» в качестве буржуазной альтернативы труду революционного гения — от теории «народного» капитализма (среди многих её авторов наиболее известны М. Вебер и Э. Бернштейн) и модной перед Первой мировой войной теории ультраимпериализма (Р. Гильфердинг и К. Каутский) до теории «конца истории» Ф. Фукуямы.

И всё тщетно. «Капитал» К. Маркса — одно из самых издаваемых сегодня (и немалым тиражом) произведений. Спрос на него растёт. То же самое происходит и с гениальным трудом В.И. Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма». Это неизбежно, как неизбежно предотвращение катастрофы человечества — третьей мировой войны — его прорывом к социализму. Нарастает экономический и финансовый кризис империализма, иначе — всеобщий кризис капитализма на высшей его стадии. Именно поэтому, что давно и блестяще доказано Лениным, «политически империализм есть всеобщее стремление к насилию и реакции». Нацизм, или фашизм, явился его самой реакционной формой.

Здесь ещё раз зададимся вопросом: возможна ли реставрация этой чумы XX века в XXI веке? Империалистическая агрессия США, Англии, Германии, Франции и других стран НАТО против Югославии, Ливии, Ирака, Афганистана, Сирии даёт утвердительный ответ на поставленный вопрос. А санкции на поставки продовольственных товаров и лекарств в непокорные международному империализму страны — это ли не геноцид по отношению к их народам?

Вся буржуазная идеологическая индустрия, в том числе и российская (что очевидно на вечерних встречах у В. Соловьёва на ТВ «Россия 1»), работает на полную мощность,

чтобы внедрить в сознание человечества главный постулат так называемой теории американца Сэмюэля Хантингтона. Суть этого постулата заключается не только в том, что западная цивилизация является единственно великой, но и в том ещё, что её ценности должны быть безусловно приняты всеми народами и нациями. Как это напоминает идею превосходства «арийской расы» над всеми народами! Идею, уходящую своими корнями в глубь веков.

Из названного постулата вытекает и русофобия, насчитывающая уже более 500 лет. Все рассуждения у телеведущего Владимира Соловьёва о навязывании нам, России, западных евроамериканских либеральных ценностей и принижении культурно-исторических особенностей России верны вне всякого сомнения. Верно и осуждение Запада за циничную, бесстыжую русофобию. Но современная русофобия есть следствие отнюдь не войны цивилизаций — западной и российской. Сфабрикованная война цивилизаций лишь прикрывает главную причину русофобии — новый империалистический передел мира. О чём у Соловьёва ни слова.

США, возглавляющие империалистический Запад, чтобы утвердить своё пошатнувшееся мировое господство и соответственно ослабить своих противников в борьбе за мировую гегемонию, готовы к долговременной оккупации тех стран, которые имеют важное геополитическое значение и располагают значительными людскими и природными ресурсами. Для маскировки этой агрессивной политики как нельзя кстати подходит теория столкновения цивилизаций: сегодня —между цивилизацией Запада и мусульманского Востока, завтра, вполне может быть, между цивилизацией Запада и Китая, Запада и России.

Идея превосходства западной цивилизации над остальными и возведения её в абсолют, политика геноцида в отношении народов, встающих на защиту своей независимости, социального расизма по отношению к ним — это ли не элементы реставрации фашизма в новой его редакции — либеральной (права человека — превыше всего!).

Евроамериканская стандартизация образования в России с пресловутым ЕГЭ, а теперь ещё и возможная цифровизация образовательного процесса с принижением мировой и национальной классической культуры (в первую очередь гуманитарной — литературы, искусства и, главное, отечественной истории) — не напоминает ли это нацификацию образования и всей духовной жизни Германии в известное время? На роль нацификации сегодня всё настойчивее претендует западнизация учебного процесса в начальной, средней и высшей школе.

Чем объяснить противоречивость и непоследовательность в области просвещения и образования российского империализма? Провозглашение главой государства патриотизма национальной идеей России и санкционирование им же строительства Ельцин-центра, призыв к единству общества и попустительство антисоветизму, утверждение образования в качестве приоритетной задачи развития России и продолжение его реформирования по болонской системе вкупе с пресловутым ЕГЭ и т.д. и т.п.

Объяснение тому, как говорится, лежит на ладони. Российский империализм формировался как компрадорский, по заёмным западным лекалам. Его старшие партнёры заинтересованы в бескультурье нашего народа — так им легче управлять. Агентов иностранного влияния хватает во всех сферах нашей жизни, в политической и финансовой — прежде всего. А какова доля иностранного капитала в экономике России — тайна за семью печатями.

Страна наша, если сохранится в ней существующее положение вещей, рискует стать жертвой либерального фашизма без единого выстрела. Международный империализм давно готов расправить крылья, взирая с высот мировой политики на сказочные природные богатства и просторы России.

Обращение к истории прихода фашизма к власти в Германии 1933 года позволяет, на наш взгляд, лучше увидеть реальную возможность нацистского реванша в переживаемое нами время. Когда, в какое десятилетие настоящего века это произойдёт, никакой пророк не скажет. Как не скажет и о том, какая страна станет цитаделью возрождения фашизма в его новой форме. Но одно ясно: когда агрессивный либерализм и агрессивный национализм сольются в одном потоке, возрождение фашизма станет фактом мировой истории. Тогда новоявленный коллективный Крупп или ещё здравствующий Сорос выберут время, чтобы произнести своё «да» новоявленному фюреру, скажем, типа Навального в России.

Всем народно-патриотическим силам России, КПРФ в первую очередь, надо быть готовыми к такому повороту событий, дабы не оказаться застигнутыми врасплох.